

О географическом распределении роста мужского населения России

по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.

сравнительно с распределением роста в других странах.

Анучин Д.Н.

1889

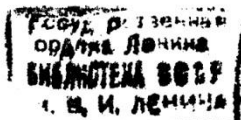

О задачахъ и методахъ антропологiи.

(Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Антропологическаго Журнала“, 1902 г., № 1).

МОСКВА.

Типо-литографiя А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

32180-48

О задачахъ и методахъ антропологіи.

Мм. Гг-ни и Мм. Гг.! Антропологическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, пользуясь случаемъ, что въ настоящее время открылся въ Москвѣ VIII съѣздъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, и что, слѣдовательно, въ Москвѣ собрались представители врачебнаго сословія со всѣхъ концовъ Россіи, рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить публичное засѣданіе Отдѣла и пригласить въ него всѣхъ желающихъ изъ гг. членовъ съѣзда. Открывая нынѣ это засѣданіе, я прежде всего считаю своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать отъ имени Антропологическаго Отдѣла и всего Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи всѣхъ тѣхъ гг. членовъ съѣзда, которые оказали намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ, я считаю необходимымъ пояснить, что цѣль нашего сегодняшняго собранія состоитъ не въ томъ, чтобы сообщить вамъ, Мм. Гг., о какихъ-нибудь новыхъ открытіяхъ или вообще представить вашему вниманію что-либо новое. Наша ближайшая задача заключается не въ томъ, чтобы брать на себя смѣлость учить васъ, а скорѣе въ томъ, чтобы поучиться у васъ, чтобы просить вашего содѣйствія, чтобы поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ антропологической науки, для разъясненія коихъ существенно важна ваша помощь, и въ области которой вы можете быть какъ первостепенными собирателями матеріала, такъ и наиболѣе компетентными изслѣдователями. Многіе изъ русскихъ врачей уже заявили себя дѣятельными работниками въ этой области, и можно указать рядъ именъ, которымъ русская антропологія обязана въ значительной степени обогащеніемъ своей литературы. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о чемъ-нибудь новомъ, а о работѣ въ направленіи, уже болѣе или менѣе извѣстномъ гг. врачамъ, и которому они уже немало послужили. Большей частью, однако, это были работы единичныя, исполненныя, какъ, напр., многія диссертаціи, для опредѣленныхъ личныхъ цѣлей. Для пользы и роста науки желательно, чтобы эти наблюденія охватывали болѣе широкіе районы и

распространялись на большія массы населенія, чтобы въ нихъ примѣнялись однородные методы, чтобы они были болѣе систематичны и стояли въ связи съ извѣстнымъ научнымъ центромъ, при посредствѣ котораго могла бы отчасти систематизироваться эта совокупная работа, отчасти получать для себя нужныя указанія, справки, литературныя пособія, инструменты и т. д., который, наконецъ, могъ бы служить отчасти пунктомъ, куда могли бы стекаться соотвѣтственныя наблюденія и изслѣдованія и, по мѣрѣ возможности и средствъ, подвергаться опубликованію. Короче сказать, Антропологическій Отдѣлъ пользуется случаемъ, чтобы заявить гг. врачамъ, работающимъ въ разныхъ районахъ и концахъ Россіи, что въ Москвѣ есть небольшой научный центръ, небольшой кружокъ, который охотно готовъ взять на себя роль нѣкотораго посредника между ними съ одной стороны и русскимъ обществомъ и наукой съ другой, въ томъ смыслѣ, что онъ готовъ оказать возможное по его силамъ содѣйствіе гг. врачамъ, интересующимся или готовымъ интересоваться тѣми или другими антропологическими вопросами, а съ другой стороны—что онъ обращается къ нимъ съ просьбой о содѣйствіи, непосредственно или чрезъ его посредство, дѣлу антропологическаго изученія Россіи, столь недостаточно еще подвинутому, но которое уже обратило на себя вниманіе многихъ ученыхъ Запада, какъ напр., Virchow, Sergi, Ridley и др., и обѣщаетъ, съ умноженіемъ числа работниковъ, еще много новаго и важнаго для антропологической науки.

Медицина и врачъ—два термина, способные быть понимаемыми и въ болѣе узкомъ, и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Съ одной стороны, медицина можетъ быть разсматриваема какъ искусство, какъ одинъ изъ высшихъ видовъ ремесла, и врачъ—какъ техникъ, прилагающій извѣстные способы для лѣченія болѣзней. Но уже на примитивной стадіи культуры мы видимъ, что съ понятіемъ о врачѣ соединяется нѣчто большее, чѣмъ о простомъ техникѣ. Примитивный врачъ, это—шаманъ, кудесникъ, знахарь; онъ не только лѣчитъ отъ физическихъ и духовныхъ немощей, онъ — представитель высшаго знанія, къ нему обращаются во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни, онъ—знатокъ жизни по преимуществу, знатокъ силъ природы, онъ обладаетъ способностью подчинять себѣ духовъ міра, сноситься съ божествомъ. Съ развитіемъ культуры, съ дифференціаціей сословій, классовъ, профессій, — врачи, по необходимости, должны были выдѣлиться въ спеціальный видъ техническихъ дѣятелей, но еще долго они были представителями знанія по преимуществу: и въ Тибетѣ среди буддійскихъ ламъ, и въ древней Греціи, и позже въ Европѣ врачи были и выдающимися натуралистами, и не послѣдними изъ философовъ. Да и въ болѣе близкое къ намъ время, съ большимъ развитіемъ и обособленіемъ различныхъ наукъ и искусствъ, ученый врачъ не составлялъ рѣдкости, и этимъ ученымъ врачамъ существенно обязаны были своими успѣхами не только біологія, но и все естествознаніе, и даже нѣкоторыя другія области

вѣдѣнія. Но мощное развитіе наукъ, послѣдовавшее особенно съ половины XIX стол., необходимо должно было вызвать спеціализацію знаній. Отдѣльныя отрасли естествознанія стали развиваться самостоятельно, обособились и разныя отрасли наукъ соціальныхъ. Медицина также должна была спеціализироваться, не только въ ея цѣломъ, но и въ своихъ отдѣлахъ. Отъ этого, однако, связь между медициной и другими науками не только не порвалась, но съ теченіемъ времени стала все болѣе усиливаться и крѣпнѣть. Если, съ одной стороны, для достиженія большаго совершенства въ извѣстной отрасли медицины врачъ вынужденъ былъ тѣснѣе спеціализироваться, то, съ другой стороны, то же стремленіе къ возможно большому совершенству заставляло его искать себѣ указаній и пособій въ другихъ областяхъ знанія. Успѣхи физики, химіи, біологіи измѣнили кореннымъ образомъ господствовавшія ранѣе понятія, открыли новыя плодотворныя области изученія, повели къ новымъ воззрѣніямъ на жизнь, здоровье, болѣзни, преобразовали всю медицину. И съ теченіемъ времени задача врача все усложнялась, а съ нею росла и его потребность въ знаніяхъ. Если ранѣе задача эта заключалась только въ діагнозъ болѣзни и въ примѣненіи къ ней, по установленнымъ методамъ, опредѣленныхъ средствъ пользованія или механическаго воздѣйствія, то съ теченіемъ времени выяснилась необходимость въ пониманіи не только болѣзни, но и больного, являющагося не просто только человѣкомъ, такимъ же, какъ миллионы другихъ, но и представителемъ извѣстнаго типа, расоваго, соціальнаго, профессиональнаго и т. д., несущимъ на себѣ тѣ или иные черты наслѣдственности, вліяніе особенностей развитія, условій существованія и т. д. Задача врача усложнилась еще тѣмъ, что въ предѣлы ея стало входить не только лѣченіе особей, но и установленіе для нихъ и для цѣлыхъ группъ ихъ обязательныхъ условій здороваго существованія, выработка гигиеническихъ нормъ, оздоровленіе мѣстностей, жилищъ, профессій, предупрежденіе заболѣваній и т. д., короче — вся обширная область знаній, составляющихъ предметъ вѣдѣнія гигиены и санитаріи, а эта область, опирающаяся на широкій циклъ наукъ физико-химическихъ и естественныхъ, тѣсно соприкасается и съ такими отраслями знаній, какъ статистика, политическая экономія, народное хозяйство, соціологія, этнографія и многія другія. Все болѣе и болѣе проникаетъ въ общее сознаніе значеніе врача—въ земскомъ и городскомъ хозяйствѣ, въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ, въ военномъ, учебномъ, въ уголовномъ и пенитенціарномъ и во многихъ другихъ, причемъ ему приходится часто разрѣшать или выяснять вопросы существенной важности, касающіеся какъ матеріальнаго и физическаго, такъ и духовнаго и культурнаго существованія и благосостоянія многихъ. Но выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ связано съ пониманіемъ соответственныхъ условій и вліяній, которое немыслимо безъ достаточнаго знакомства съ различными отраслями знанія, техники, промышленности, права, педагогики, психологіи и т. д.

Если отъ врача справедливо ждутъ указаній и помощи по цѣлому ряду жизненныхъ и важныхъ общественныхъ вопросовъ, то справедливо и то, что современный врачъ обязанъ стоять на сравнительно высокой ступени развитія и знаній, обладать не только спеціальнымъ, но и достаточно широкимъ общимъ научнымъ образованіемъ, чтобы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ различными вопросами жизни и знанія, быть къ нимъ достаточно подготовленнымъ, достаточно умѣлымъ, чтобы въ нихъ разобраться. Извѣстная максима: *Homo sum et nihil humanum a me alienum puto* — я человекъ и ничто человеческое мнѣ не чуждо — можетъ быть прилагается въ особенности къ современному врачу, выдвигаемому развитіемъ культуры на постъ важнаго передового общественнаго дѣателя.

Въ числѣ различныхъ областей знанія, которые не могутъ быть чуждыми врачу, занимаетъ извѣстное положеніе и антропология. Сравнительно недавно обособившаяся, не занявшая еще строго опредѣленнаго мѣста въ циклѣ наукъ, съ которыми должна считаться медицина, она, однако, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, какъ область знаній, существенно необходимыхъ для болѣе полнаго и правильнаго пониманія человека. Пониманію этому служить, какъ извѣстно, обширный циклъ наукъ, изъ коихъ одні имѣютъ предметомъ изученія физическую природу человека, другія — его психическую или связанную съ психическимъ развитіемъ и дѣятельностью. Къ первымъ относятся: анатомія, физиология, патология съ ихъ отдѣлами и вспомогательными дисциплинами, ко вторымъ: психология и рядъ наукъ социальныхъ, экономическихъ, историческихъ, филологическихъ, юридическихъ и т. д. Но если послѣднія имѣютъ дѣло по преимуществу съ человекомъ коллективнымъ, съ общинами, группами населенія, народами, всѣмъ культурнымъ человечествомъ, то предметъ первыхъ составляетъ человекъ индивидуальный, человеческая особь. Изучая отдѣльныя особи, науки эти устанавливаютъ нормы строенія и управленія человека въ здоровомъ и больномъ состояніи и ихъ видоизмѣненій по полу и возрасту. Анатомія, эмбриология, физиология, патология встрѣчаются при этомъ и съ различными отклоненіями отъ нормы, съ разнообразными индивидуальными варіациями, которые отмѣчаются ими и принимаются къ свѣдѣнію, но на которыхъ онѣ не имѣютъ возможности спеціально останавливаться, такъ какъ это отвлекало бы ихъ отъ ихъ ближайшихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди индивидуальныхъ варіаций встрѣчаются и имѣющія болѣе типичный характеръ, распространенныя въ извѣстныхъ географическихъ районахъ, болѣе частыя у однихъ народностей, чѣмъ у другихъ, а затѣмъ слѣдуютъ еще болѣе характерныя отличія, свойственныя отдѣльнымъ породамъ человечества — неграмъ, папуасамъ, монголамъ, эскимосамъ, готтентотамъ и т. д., короче сказать — многочисленнымъ породамъ или разновидностямъ человечества. Предметъ изученія становится настолько обширнымъ и сложнымъ, что по необо-

димости долженъ быть выдѣленъ въ особую отрасль знаній, за которой и усвоенъ теперь терминъ «антропологія». Задача ея, очевидно, та же, что и вообще т. наз. естественной исторіи, только въ примѣненіи къ человѣку. Объектъ ея—разновидности рода Номо, которыя мы подразумеваемъ подъ названіями: типъ, раса, порода, и которыя характеризуются совокупностью извѣстныхъ физическихъ или соматическихъ признаковъ и особенностей. Но въ обширномъ смыслѣ въ антропологію входитъ изученіе не однихъ только физическихъ признаковъ; человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ не только формами и строеніемъ своего тѣла, но также — и даже по преимуществу — духовными признаками, даромъ рѣчи, умѣньемъ изготовлять себѣ нужныя для жизни орудія, способностью къ культурѣ, къ социальному развитію. Въ различныхъ районахъ земной поверхности люди отличаются не только цвѣтомъ кожи, видомъ волосъ, пропорціями тѣла, формой головы и чертами лица, но и своимъ языкомъ, особенностями быта, стадіями культуры, семейнымъ и общественнымъ строемъ. Полная характеристика предполагаетъ знакомство какъ съ физическимъ типомъ, такъ съ языкомъ и бытомъ, но очевидно, что это не тождественные объекты изученія, требующіе различной подготовки со стороны изслѣдователя, а потому должны изучаться различными группами специалистовъ. Отсюда дифференціація антропологіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, на двѣ главныя отрасли: собственно *антропологію* или антропологію физическую, и *этнологію*, распадающуюся, въ свою очередь, на лингвистику (изучающую языки), т. наз. исторію первобытной культуры, собирающую данныя о ментѣ развитыхъ стадіяхъ культуры и старающуюся уяснить себѣ ходъ культурнаго развитія человѣчества, и этногенію, задача которой выяснитъ связь между различными народами и ихъ послѣдовательное сложеніе и обособленіе. Остановиваясь на первой отрасли—на физической антропологіи, мы должны повторить, что предметъ ея изученія составляютъ различные физическіе типы или расы человѣчества. Человѣкъ не является всюду одинаковымъ по своему виду, сложенію и строенію. Удерживая основные признаки рода Номо, онъ выказываетъ варіаціи въ подробностяхъ ихъ развитія и вообще въ особенностяхъ своего вида и строенія. Особенности эти были извѣстны еще древнимъ египетскимъ и ассирійскимъ художникамъ, которые умѣли схватывать типическія черты разныхъ народовъ на барельефахъ и фрескахъ, изображающихъ побѣды и триумфы различныхъ влестителей, а съ конца ХVІІ в. мы видимъ уже попытки со стороны ученыхъ классифицировать различныя породы человѣчества. Но въ то время свѣдѣнія объ отдаленныхъ народахъ были очень скудны, и многія племена были еще совершенно неизвѣстны. Лишь сравнительно недавно удалось проникнуть изслѣдователямъ вглубь Африки, въ Новую Гвинею, въ средину Ю. Америки и Австраліи; только въ послѣднія десятилѣтія стали соби-

ратся болѣе обстоятельныя данныя о многихъ менѣе культурныхъ племенахъ человѣчества. Но и по отношенію къ племенамъ болѣе извѣстнымъ, даже къ народамъ Европы, только въ послѣднее время стали производиться систематическія и точныя наблюденія въ цѣляхъ выясненія ихъ расовыхъ типовъ. Дѣло въ томъ, что такое выясненіе — вещь не легкая и требуетъ массовыхъ наблюденій и детальнаго сравнительнаго изученія. То, что мы называемъ расою, типомъ, есть нѣчто отвлеченное, есть идеаль, къ которому болѣе или менѣе приближаются отдѣльныя особи. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло только съ отдѣльными особями, несущими на себѣ, каждая, индивидуальныя черты, изъ сопоставленія коихъ мы должны еще вывести общій типъ или выдѣлить нѣсколько типовъ, если таковыя имѣются. Понятно, что это установленіе типовъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе выражать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на болѣшую массу особей извѣстной группы, извѣстной части населенія будутъ распространены наши наблюденія и чѣмъ послѣднія будутъ производиться болѣе точнымъ методомъ. Отсюда важность статистическаго метода, цифровыхъ данныхъ, выведенія среднихъ, расположенія данныхъ въ ряды, графическое выраженіе ихъ помощью кривыхъ, діаграммъ, картограммъ и т. п. Но по отношенію къ немногимъ еще районамъ и группамъ населенія мы имѣемъ такіа изслѣдованія, а относительно менѣе извѣстныхъ и отдаленныхъ народовъ приходится часто довольствоваться лишь общими впечатлѣніями, полученными болѣе или менѣе опытнымъ наблюдателемъ, или данными, собранными надъ сравнительно небольшимъ числомъ особей. Между тѣмъ наше познаніе человѣческихъ типовъ достигнетъ извѣстной полноты только тогда, когда мы будемъ имѣть представленіе о всемъ разнообразіи расовыхъ типовъ человѣка на земной поверхности, когда, смотря на географическую или этнографическую карту земной суши, мы въ состояніи будемъ мысленно представить себѣ признаки свойственныхъ различнымъ районамъ антропологическихъ типовъ, ихъ географическое распространеніе, распредѣленіе однихъ среди другихъ, смѣшеніе мѣстами ихъ между собою, вытѣсненіе однихъ другими и т. д. Впрочемъ, для полнаго пониманія варіацій человѣческаго типа и такого знанія еще не достаточно. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ теченіе вѣковъ одни народы смѣнялись другими, одни истребляли другихъ, нѣкоторые вымирали, другіе переселялись, смѣшивались между собою и т. д. Многіе, вѣроятно, погибли безслѣдно, но многіе и оставили по себѣ память въ письменныхъ памятникахъ, изображеніяхъ на древнихъ монументахъ, естественныхъ или искусственныхъ муміяхъ, остаткахъ, сохранившихся въ могилахъ, пещерахъ, отпечаткахъ ихъ тѣлъ въ толщахъ вулканическаго пепла (какъ въ Помпеѣ) и т. д. Правда, остатки эти скудны, но они даютъ иногда нѣкоторыя точки опоры для сужденія о типѣ. Въ древнихъ могилахъ, въ особенности, мы встрѣчаемъ костяки,

череп, иногда и остатки волосъ, которые позволяютъ прійти къ извѣстнымъ заключеніямъ относительно вида и цвѣта волосъ, формы и величины головы, развитія частей лица у древняго населенія по сравненію съ современнымъ той же области. Идя далѣе вглубь вѣковъ, мы доходимъ, наконецъ, до каменнаго вѣка, до древнѣйшаго его періода, т. наз. палеолитическаго, уходящаго уже въ геологическую древность, въ эпоху, предшествовавшую, въ геологическомъ смыслѣ, современной, когда человѣкъ жилъ въ Европѣ въ состояніи дикаря при иныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ нынѣ, когда и окружающія его флора и фауна были иныя. Понятно, что чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ менѣе отъ нея могло сохраниться, но все-таки за послѣднія 40—50 лѣтъ было добыто немало данныхъ и относительно этой древнѣйшей эпохи, въ томъ числѣ и, скудные правда, остатки самого человѣка, его костяковъ. Между этими остатками нашлись и такіе, которые указываютъ на низшій типъ тогдашняго человѣка; особенно извѣстны въ этомъ отношеніи черепъ изъ Неандертальской пещеры и два черепа изъ пещеры Spy въ Бельгій. Проф. Швальбе, подвергшій недавно внимательному изученію эти остатки, могъ убѣдиться, что они выказываютъ признаки, переходящіе за предѣлы варіацій у современныхъ людей и оправдывающіе выдѣленіе ихъ въ особый видъ человѣка, отличный отъ *Homo sapiens*. Эти остатки дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактическое подтвержденіе теоріи эволюціи въ приложеніи къ человѣку, теоріи, предугадывшейся, какъ извѣстно, Ламаркомъ и другими еще въ первой половинѣ XIX стол., но получившей болѣе прочную опору въ извѣстной теоріи естественнаго отбора Дарвина. Хотя принципъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, указанный Дарвиномъ, и недостаточенъ, можетъ быть, для полнаго уясненія послѣдовательнаго образованія всей совокупности органическихъ формъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ процессѣ эволюціи никто теперь не сомнѣвается, ибо онъ доказывался всѣми данными палеонтологіи, эмбриологіи, сравнительной анатоміи, систематики и т. д. Человѣкъ не могъ избѣгнуть общаго закона; послѣдовательная эволюція его типа изъ животнаго указывается уже анатомическимъ анализомъ его строенія и исторіей его эмбриональнаго развитія, но наибольшее выясненіе она можетъ получить, конечно, изъ палеонтологіи, изъ нахожденія ископаемыхъ остатковъ человѣка и его предшественниковъ. Указанные остатки изъ пещеръ Неандертальской и Spy уже даютъ извѣстные намеки въ этомъ отношеніи, но еще болѣе замѣчательна находка ископаемаго черепа (неполнаго), бедра и двухъ коренныхъ зубовъ, сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дюбуа въ плейстоценовыхъ отложеніяхъ на о-вѣ Явѣ. Остатки эти—на основаніи ихъ были установленъ новый ископаемый типъ, *Pithecantropus erectus* — были предметомъ изученія многихъ извѣстныхъ анатомовъ, одни изъ коихъ пришли къ заключенію, что это остатки человекоподобной обезьяны, стоявшей

ближе къ человѣку, чѣмъ всѣ современные, другіе—что это остатки человека, только болѣе низшаго типа, чѣмъ всѣ другіе, третьи, наконецъ, что это—переходная форма отъ обезьяны къ человеку, обособленная какъ отъ него, такъ и обезьянъ, что, повидимому, и должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ заключеніемъ. Въ будущемъ, по всей вѣроятности, отыщутся и другіе остатки этихъ предшественниковъ человека, но и найденныхъ уже достаточно для того, чтобы признать, что происхожденіе человека относится къ глубокой древности и что эволюція его типа должна была происходить въ теченіе многихъ тысячелѣтій, даже десятковъ тысячъ лѣтъ, чрезъ посредство ряда давно вымершихъ формъ, связывавшихъ его послѣдовательно съ болѣе низкими формами въ зоологической системѣ.

Гдѣ, въ какомъ поясѣ земной поверхности, въ какихъ странахъ происходила эта послѣдовательная эволюція первоначальнаго человѣческаго типа, и чѣмъ она была вызвана, объ этомъ могутъ быть только гаданія или гипотезы; нельзя также сказать утвердительно, является ли все человечество потомствомъ одного корня или оно происходитъ отъ нѣсколькихъ, хотя бы и родственныхъ между собою, группъ прародичей. Сходство всѣхъ извѣстныхъ расъ въ основныхъ физическихъ и психическихъ признакахъ и способность всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и наиболѣе обособленныхъ, напр. негра и бѣлаго, къ половому смѣшенію и къ произведенію помѣсей, говорятъ въ пользу того, что всѣ человѣческія разновидности составляютъ варианты одного и того же вида, но, съ другой стороны, существованіе такого типа, какой представляетъ, напр., неандертальскій черепъ, и довольно рѣзкія различія между типичнымъ негромъ и бѣлымъ, подобныя которымъ если бы были встрѣчены у какой-либо животной формы, навѣрное, вызвали бы приуроченіе ихъ къ двумъ видамъ, — не лишаютъ совершенно опоры и полигенетической гипотезы. Извѣстно, что въ прежнее время, до Дарвина, многіе серьезные ученые защищали полигенизмъ человека, въ отличіе отъ другихъ, державшихся моногенизма, но въ то время господства теоріи постоянства видовъ и отдѣльнаго происхожденія каждаго изъ нихъ это различіе возрѣній имѣло иной смыслъ. Тогда принималось, что каждый раздѣльнополюй видъ былъ созданъ первоначально въ одной парѣ особей, потомство которой и представляютъ всѣ особи этого вида; поэтому споръ между моно- и полигенистами сводился къ тому, произошло ли человечество отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ. Но теперь мы знаемъ, или по крайней мѣрѣ убѣждены, что происхожденіе видовъ надо представлять себѣ иначе; мы не можемъ понимать его инымъ образомъ, какъ въ смыслѣ постепеннаго измѣненія признаковъ, происходящаго въ извѣстной группѣ особей, причемъ образующіяся варіаціи, если онѣ полезны данному виду или соответствуютъ условіямъ его существованія и индивидуальнаго развитія, передаются потомству и мало-по-малу закрѣп-

ляются наследственностью. При такомъ пониманіи трудно говорить о происхожденіи отъ одной пары, а приходится представлять себѣ смѣну длиннаго ряда поколѣній, причемъ, конечно, различные признаки появлялись у различныхъ поколѣній въ различные эпохи, и часть поколѣній подвергалась вымиранію. Критеріемъ вида можетъ служить предѣлъ варіацій; если варіаціи извѣстнаго признака представляютъ послѣдовательный рядъ переходовъ, то, какъ бы ни были широки предѣлы этихъ варіацій, мы не можемъ обособлять ихъ въ разные виды, и только если мы встрѣчаемъ варіацію, переходящую предѣлы измѣнчивости даннаго вида, отдѣляющуюся отъ нихъ явственнымъ промежуткомъ, мы должны выдѣлить ее въ особый видовой типъ, который становится еще прочнѣе обоснованнымъ, если можетъ быть констатированъ на рядѣ особей и если находитъ себѣ подтвержденіе и въ аналогичныхъ отклоненіяхъ другихъ признаковъ.

Уясненіе вопроса о древности и происхожденіи человѣка составляетъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ антропологии, ибо съ нимъ связано болѣе глубокое пониманіе физической и психической природы человѣка. Но ближайшимъ вопросомъ является выясненіе особенностей и предѣловъ измѣнчивости расовыхъ типовъ современнаго человѣчества, прилагая слово «современный» въ геологическомъ смыслѣ, т.-е. включая всѣ разновидности человѣка, современные и вымершія, признаки которыхъ въ болѣе или меньшей степени доступны нашему изученію. Чѣмъ полнѣе и точнѣ будутъ наши свѣдѣнія объ этихъ варіаціяхъ, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣ будетъ наше представленіе о типѣ человѣка, объ его разнообразіи въ различныхъ районахъ земной поверхности. Но для пониманія этихъ варіацій недостаточно только одного ихъ констатированія; мы должны стремиться къ тому, чтобы уяснить ихъ происхожденіе, не вопросъ—зачѣмъ или почему, который вообще недоступенъ нашему пониманію, а вопросъ—какъ, т.-е. какимъ путемъ, какими вѣроятными послѣдовательными стадіями, подъ какими вліяніями, при какихъ условіяхъ происходитъ образованіе и накопленіе варіацій, передача ихъ по наследству, закрѣпленіе ихъ, видоизмѣненіе типа. Этотъ вопросъ о причинахъ, вызывающихъ образованіе разновидностей, ведущихъ, какъ выражались прежде, къ «вырожденію» типовъ, ставился уже въ концѣ XVIII в., даже еще много ранѣе, за пять вѣковъ до нашей эры, знаменитымъ врачомъ древности Гиппократомъ. Онъ сводилъ ихъ, главнымъ образомъ, къ вліянію географическихъ и климатическихъ условій; позже, къ нимъ стали присоединять вліяніе питанія, образа жизни, занятій, употребленія или неупотребленія органовъ, условій развитія организма, наконецъ, борьбы за существованіе, патологическихъ вліяній, приспособленія къ измѣняющимся условіямъ окружающей среды, естественнаго и полового отбора. Болѣе внимательное наблюденіе показало, что вопросъ этотъ очень сложный и трудный, что, напр., вліяніе климата, проявляющееся иногда въ рѣзкихъ

патологических воздѣйствійхъ, не способно еще само по себѣ вызывать измѣненіе типа; бѣлый остается бѣлымъ и въ тропической Африкѣ, а негръ—чернымъ и въ умѣренномъ климатѣ Соединенныхъ Штатовъ; китаецъ и еврей сохраняютъ свои расовые признаки въ самыхъ различныхъ зонахъ земного шара. Всюду мы убѣждаемся въ огромной силѣ наслѣдственности, хотя не можемъ не признать и значенія измѣнчивости, съ которой встрѣчаемся также всюду—во всѣхъ группахъ людей, семейныхъ, родовыхъ, сословныхъ, племенныхъ и т. д. Въ выясненіи взаимодействія этихъ двухъ силъ—наслѣдственности и измѣнчивости—лежитъ ключъ къ пониманію всѣхъ физическихъ и психическихъ варіацій человѣческаго типа, но эти силы, ясныя въ своихъ конечныхъ результатахъ, остаются темными въ своей сущности, въ своемъ молекулярномъ субстратѣ, въ процессѣ своего проявленія. Мы можемъ сопоставлять только извѣстные условія жизни людей и сравнивать соответствующія этимъ условіямъ варіаціи типовъ, но часто не можемъ установить никакого опредѣленнаго соотношенія между извѣстными условіями и извѣстными типами; нерѣдко мы встрѣчаемъ почти одинъ и тотъ же типъ при разныхъ условіяхъ существованія и разные типы при одинаковыхъ или весьма сходныхъ условіяхъ быта. Такіе типы, конечно здоровые, при достаточномъ ихъ обособленіи, мы называемъ расовыми, и подразумеваемъ подъ ними прочно укрѣпленные наслѣдственностью, противостоящіе въ извѣстныхъ предѣлахъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Эти типы видоизмѣняются, главнымъ образомъ, смѣшеніемъ между собою, причемъ въ результатъ получается обыкновенно типъ промежуточный, хотя часто съ явственно выраженнымъ приближеніемъ къ типу болѣе сильнаго производителя.

Несмотря на всѣ трудности вопроса о генезисѣ типовъ, выясненіе его должно составлять, безспорно, одну изъ главныхъ задачъ антропологіи. Болѣе полное выясненіе могли бы дать опыты, производимые систематично въ извѣстныхъ направленіяхъ и цѣляхъ, но такіе опыты, возможные въ примѣненіи, напр., къ домашнимъ животнымъ, у которыхъ, благодаря искусственному подбору, удалось создать, дѣйствительно, типичныя новыя породы, не примѣнимы къ человѣку, и мы ограничены возможностью пользоваться только наблюденіями, и тѣхъ имѣется пока немного, и въ примѣненіи лишь къ небольшому ряду поколѣній. Въ будущемъ, можетъ быть, удастся организовать болѣе систематичныя серіи наблюденій, подобно тому, какъ они проектированы теперь по отношенію къ нѣкоторымъ растительнымъ и животнымъ формамъ, причемъ предполагается вести наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Конечно, жизни одного человѣка слишкомъ мало для такой серіи наблюденій, и придется организовать ихъ путемъ замѣны одного поколѣнія наблюдателей другимъ, при посредствѣ уже образованной въ Европѣ Ассоціаціи академій, главная цѣль которой и заключается въ томъ, чтобы брать на себя такія наблюденія и

изслѣдованія, которыя превышаютъ силы одного человѣка и даже цѣлаго ученаго Общества и которыя требуютъ участія послѣдовательныхъ поколѣній наблюдателей, передающихъ одни другимъ результаты своихъ работъ. Но пока мы вынуждены довольствоваться наблюденіями въ меньшемъ масштабѣ и меньшей продолжительности, и прежде всего намъ необходимо собрать данныя для характеристики различныхъ антропологическихъ типовъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи, и установить ихъ географическое распредѣленіе. Другими словами, мы должны произвести, если можно такъ выразиться, антропологическую съемку Россіи—до нѣкоторой степени подобно тому, какъ производятся топографическія и геологическія съемки, статистическія обслѣдованія, почвенныя или—и сравненіе будетъ, пожалуй, еще вѣрнѣе,—какъ собираются съѣты метеорологическихъ станцій наблюденія надъ климатическими элементами, изъ которыхъ потомъ выводятся данныя о климатѣ страны. Представимъ себѣ, что повсюду въ Россіи, въ разныхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ разсѣяны наблюдатели-антропологи, которые собираютъ въ извѣстной системѣ и по извѣстнымъ методамъ данныя о варіаціяхъ типа въ окружающемъ районѣ—о распредѣленіи въ окрестномъ населеніи цвѣтности кожъ, волосъ, глазъ, величинъ роста, пропорцій тѣла, формъ головы и лица, морфологическихъ уклоненій, фیزیологическихъ и патологическихъ особенностяхъ. Данныя эти, если ихъ наберется порядочное количество, надъ особями одного возраста и пола, могутъ подвергаться разработкѣ, результаты ихъ могутъ наноситься на карту, изображаться въ видѣ діаграммъ, кривыхъ и т. д., и мало-по-малу такимъ путемъ могла бы быть собрана масса данныхъ, можетъ быть, неодинаково полныхъ для различныхъ районовъ, но изъ которыхъ можно было бы все-таки получить достаточно наглядное представленіе о распредѣленіи у насъ различныхъ расовыхъ типовъ, какъ въ средѣ инородцевъ, особенно на окраинахъ Россіи, такъ и въ средѣ русскаго населенія, которое также, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, представляетъ варіаціи по преобладанію въ нихъ тѣхъ или иныхъ типовъ роста, комплекси, формъ головы и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ могутъ собираться, какъ это доказываютъ опыты, произведенные въ Зап. Европѣ, наблюдателями и не изъ врачей, но врачи являются, безспорно, наиболѣе компетентными для этой цѣли наблюдателями; притомъ въ большинствѣ случаевъ имъ всего удобнѣе производить такія изслѣдованія, не вызывая какихъ-либо подозрѣній и толковъ. Кромѣ того, они могутъ соединять эти наблюденія съ собираніемъ данныхъ о болѣзненности, тѣлесныхъ недостаткахъ, смертности и т. д. Во многихъ государствахъ Зап. Европы уже произведены подобнаго рода антропологическія съемки по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ признакамъ, и въ результатѣ получены любопытныя данныя, которыя можно было нанести на карты и придать имъ наглядность. Укажу, напр., на Германію, Австрію, Швейцарію и Бельгію, въ которыхъ,

при посредствѣ школьныхъ учителей, были собраны данныя о цвѣтѣ волосъ и глазъ надъ 10 милліонами дѣтей, обучающихся въ низшихъ и среднихъ школахъ. Изъ этихъ данныхъ можно было вывести процентъ чистыхъ брюнетовъ, т.-е. съ черными или темнорусыми волосами, темными глазами и смуглой кожей, процентъ чистыхъ блондиновъ—съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, розоватой кожей, и процентъ смѣшанныхъ типовъ, напр., съ свѣтлорусыми волосами и темными глазами, темнорусыми волосами и сѣрыми глазами и т. д., и показать распредѣленіе этихъ типовъ на картахъ. Вотъ, напр., географическое распредѣленіе темнаго

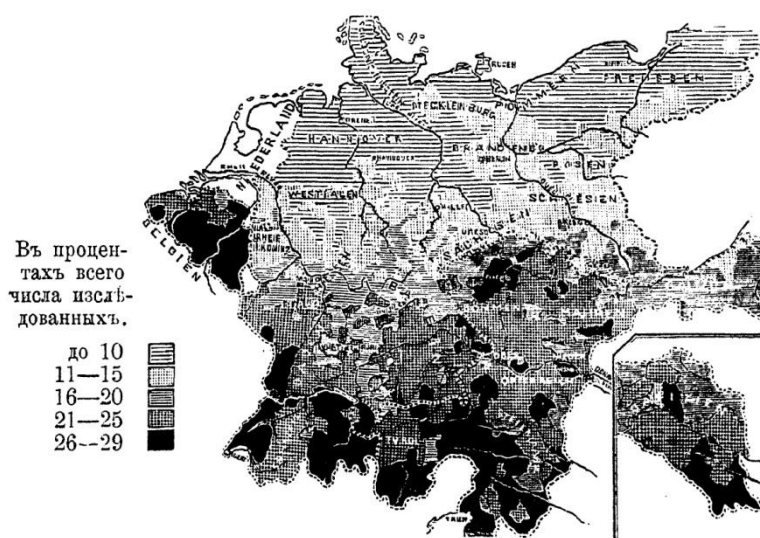

Рис. 1. Относительная частота типовъ брюнетовъ въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи (съ Галиціей). По Ранке, на основаніи данныхъ о 10,071,635 дѣтяхъ школьнаго возраста.

типа, брюнетовъ. Различные оттѣнки тушовки изображаютъ различія между провинціями (округами) по относительному проценту дѣтей-брюнетовъ, отъ 5—10% (свѣтлые цвѣта) до 26—30% (самые темные). Видно, что брюнеты преобладаютъ на югѣ и на западѣ (Бельгія), а къ сѣверу и востоку процентъ ихъ уменьшается. Кромѣ того, видно, напр., что Швейцарія пересѣкается посрединѣ болѣе свѣтлой меридіональной полосой, тогда какъ къ востоку и западу отъ нея расположены районы съ большимъ процентомъ брюнетовъ, что середина Богеміи темнѣе ея окраинъ и т. д. Если бы взять соотвѣтственную карту распространенія чистыхъ блондиновъ, то можно было бы видѣть обратное распредѣленіе, причемъ въ сѣверной Германіи можно было бы замѣтить наибольшее распространеніе блондиновъ къ сѣверу по рѣкамъ (Вислѣ, Одеру, Эльбѣ) и пр. Цвѣтъ волосъ и глазъ дѣтей не вполне соотвѣтствуетъ цвѣту ихъ у взрослыхъ (волоса и глаза

блондиновъ съ возрастомъ иногда темнѣютъ), и было бы лучше сравнивать распредѣленіе тѣхъ же признаковъ у взрослыхъ. Такія наблюденія и пыталось собрать Берлинское Антропологическое Общество, именно надъ призывными къ исполненію воинской повинности, чрезъ посредство военнаго вѣдомства, но встрѣтило отъ послѣдняго отказъ, и вынуждено было обратиться къ школамъ, т.-е. къ вѣдомству народнаго просвѣщенія, которое оказалось въ этомъ отношеніи болѣе податливымъ. Впрочемъ, если волосы и глаза съ возрастомъ отчасти и темнѣютъ, то распредѣленіе цвѣта ихъ у дѣтей не лишено еще вслѣдствіе этого интереса; напротивъ того, въ дѣтскомъ возрастѣ мы можемъ ожидать большаго процента блондиновъ, указывающаго на нѣкогда большее распространеніе бѣлорукости въ тѣхъ

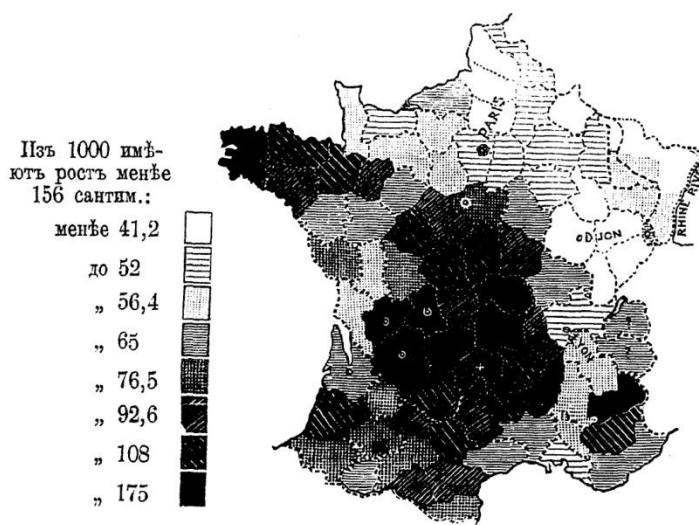

Рис. 2. Распредѣленіе роста мужского населенія во Франціи, по Брока, на основаніи данныхъ о числѣ не принятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 годъ.

же районахъ, тогда какъ типъ брюнетовъ у дѣтей указываетъ уже на прочное укорененіе темной комплекціи въ соответствующемъ населеніи.

Особенно много наблюденій такого рода было собрано во Франціи, гдѣ на основаніи ихъ можно было составить рядъ антропологическихъ картъ. Вотъ, напр., картограмма, составленная Брока и показывающая распредѣленіе во Франціи, по департаментамъ, роста мужского населенія, на основаніи процента непринятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 г. Минимальный предѣлъ роста для принятія въ военную службу составлялъ во Франціи за этотъ періодъ времени 156 сантим. (5'2"). Число непринятыхъ варьируетъ по разнымъ департаментамъ отъ 40 (и даже менѣе) до 175 на 1000. Свѣтлые

оттѣнки означаютъ департаменты съ малымъ числомъ малорослыхъ, черные — съ наибольшимъ.

Карта показываетъ, что высокорослое население сосредоточено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной Франціи и распространяется отсюда по Сенѣ и Ронѣ на югъ до Марселя и Средиземноморского побережья, а съ другой стороны—на западъ по Луарѣ, къ побережью Атлантическаго океана, и по нижнему теченію Гаронны. Малорослые же сосредоточены, главнымъ образомъ, въ срединѣ Франціи, на центральномъ плато, а затѣмъ въ Савойѣ и Бретани. Ища объясненія этимъ фактамъ, Брока

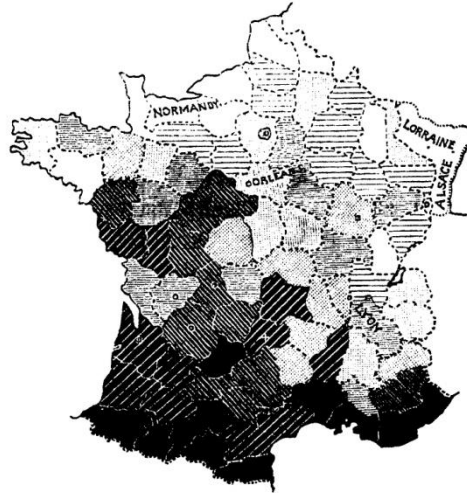

Рис. 3. Карта относительно распредѣленія брUNETОВЪ во Франціи. По Топинару, 200,000 наблюдений.

нашелъ наиболѣе подходящее въ историческомъ распредѣленіи пле-

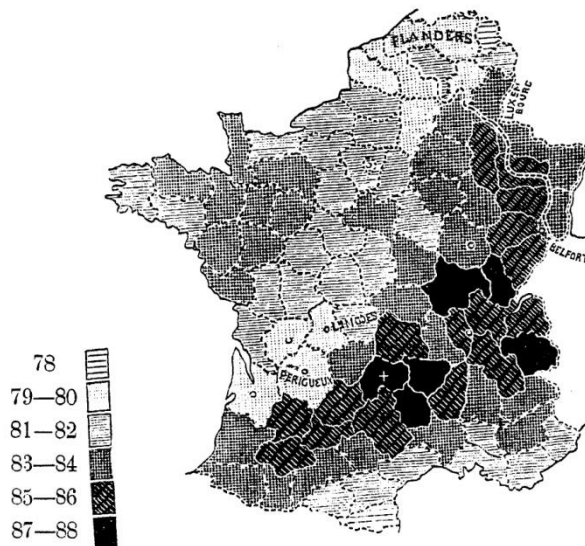

Рис. 4. Карта распредѣленія во Франціи и Бельгіи цифръ головногo показателя. По Collignon и Houzé, 16,650 наблюдений.

мень древней Галліи. По Ю. Цезарю, Галлію населяли: бельги — между Сеной и Рейномъ, кельты — отъ Альповъ до Атлантическаго океана и

аквитаны—между Гаронной, Пиринеями и океаномъ. Впослѣдствіи явились высокорослые германцы (франки), занявшіе, главнымъ образомъ, сѣверо-восточную Францію, а на морскихъ берегахъ и по рѣкамъ распространялись въ разныя времена и другія расы (греки, римляне, норманы и т. д.). Вѣрнѣе, однако, предположить, что на типъ кельтовъ оказалъ значительное вліяніе типъ болѣе древняго населенія этой области, именнo иберовъ. Что касается сѣверо-восточной Франціи, то Бертилльонъ могъ установить для многихъ ея департаментовъ два типа средняго роста: одинъ выше 169 сант., другой около 164 сант., что выражается въ двойной вершинѣ соотвѣт-

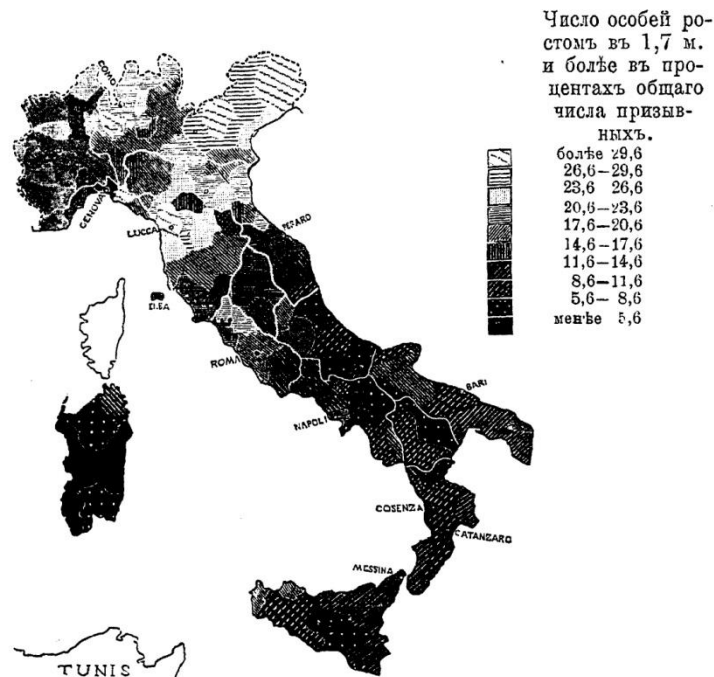

Рис. 5. Относительное распредѣленіе высокорослости въ Италіи особей выше 1,7 метра. По Ливи (1896 г.), 299,355 наблюденій надъ призывными къ воинской повинности.

ственныхъ кривыхъ, которую Бертилльонъ объясняетъ наслоеніемъ здѣсь высокорослаго населенія на сравнительно болѣе малорослое. Для Франціи составлена также карта распредѣленія цвѣтности волосъ и глазъ (наоснованіи данныхъ о 200,000 особяхъ). Она показываетъ (рис. 3), что наименьшимъ процентомъ брюнетовъ отличаются сѣверо-восточные (высокорослые) департаменты, также сѣверные (Нормандія), нѣкоторые южные (по Ронѣ), западные нормандскіе и др., тогда какъ брюнеты преобладаютъ на югѣ, по Средиземноморскому побережью, вблизи Пиринеевъ, въ центральной и отчасти западной Франціи. Карта эта рѣзче подчеркиваетъ антропологическое

различіе между сѣверо-восточной и юго-западной Франціей, чѣмъ карта роста. Наконецъ, мы публемъ для Франціи и карту (рис. 4) распредѣленія головного

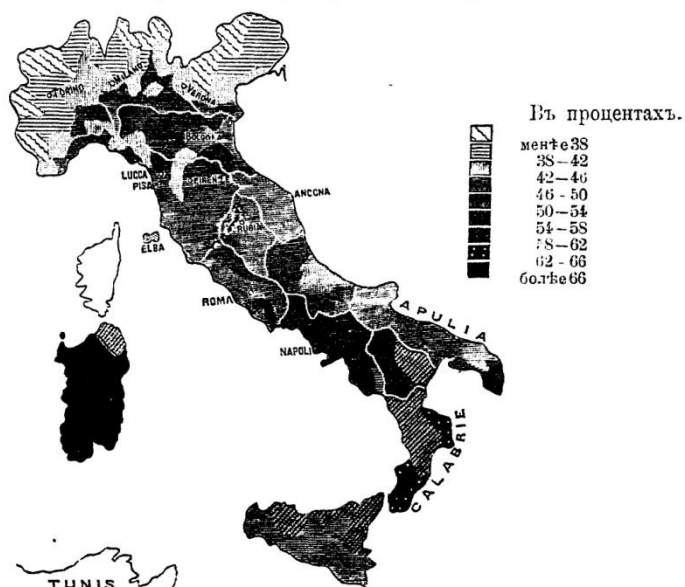

Рис. 6. Относительное распределение брынетов в Италии (все темноволосые типы).
По Ливи, 298,860 наблюдений надъ призывными.

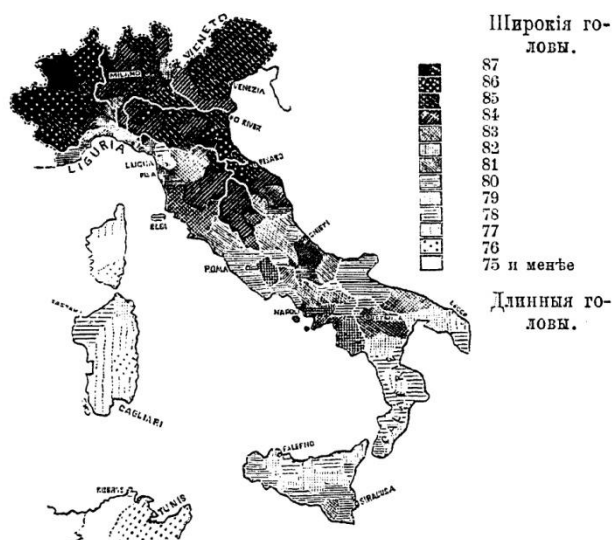

Рис. 7. Распределение головного показателя (въ среднемъ по округамъ), по Ливв;
294,271 наблюд. надъ призывными.

показателя (наибольшей ширины голова), который варьирует, по департаментамъ, въ среднемъ, отъ 78 до 88. Карта эта составлена, однако,

только на основаніи данныхъ о 16¹/₂ тысячахъ особей и потому менѣе убѣдительно. Наибольше крупныя цифры показателя (наибольше широкія головы) характерны, однако, для южной Франціи, хотя по Средиземноморскому побережью и вдоль Пирпнеевъ преобладаютъ меньшія цифры; самыя же меньшія характеризуютъ крайній сѣверо-востокъ и затѣмъ нѣкоторые западные департаменты (Лиможъ, Перигё, устье Гаронны и др.).

Характерное распредѣленіе антропологическихъ признаковъ представляетъ Италія. Что касается роста, то о немъ даетъ понятіе карта Ливи (рис. 5), основанная на 299,355 наблюденіяхъ и показывающая распре-

Рис. 8. Распредѣленіе головного показателя въ южной Норвегіи. По Arbo (1887); 6000 наблюденій надъ призывными.

дѣленіе процента высокорослыхъ призывныхъ (170 сант. и выше). Оказывается, что наибольшее число высокорослыхъ (20—30%) встрѣчается въ Венеціанской области, затѣмъ въ провинціи Лукка, вообще въ сѣверной и средней Италіи, а наименьшее (18—5%)—въ южной Италіи, въ Сициліи и особенно въ Сардиніи. Различіе это объясняется всего естественнѣе различіемъ расъ. На югѣ исторія указываетъ сиколовъ, сардовъ, грековъ, арабовъ и т. д., на сѣверѣ — венедовъ, лигуровъ, этрусковъ, галловъ, позже—германцевъ (лангобардовъ) и т. д. Первые были по преимуществу малорослыми,

80—83 вторые (сѣверной Италіи)—по преимуществу высокорослые. Это антропологическое различіе между сѣверной и южной Италіей подтверждаетъ до извѣстной степени и карта распредѣленія брюнетовъ (рис. 6),

процентъ которыхъ (у призывныхъ) варьируетъ по провинціямъ отъ менѣе 38 до болѣе 66. Наименьшее число брюнетовъ на сѣверѣ—въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи, наибольшее—на югѣ—въ Сардиніи, Калабріи, Сициліи, Неаполитанской области вообще. Аналогичныя указанія даетъ карта распредѣленія головного показателя (рис. 7), варьирующаго по провинціямъ отъ 87 до 75 и менѣе. Наибольшая брахицефалія—на сѣверѣ, въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи; слабѣе она въ Лигуріи и средней Италіи и уступаетъ долихоцефалии на югѣ, особенно въ Калабріи, Сициліи и Сардиніи. Все это взаимно подтверждаетъ различіе расовыхъ типовъ населенія въ предѣлахъ Италіи.

Подобныя же картограммы, хотя на основаніи много меньшаго числа наблюдений, имѣются и для Великобританіи. Ростъ оказывается выше въ Шотландіи, затѣмъ въ Ирландіи; ниже онъ въ Англіи, особенно въ Уэльсѣ и центральныхъ графствахъ. Цвѣтность волосъ и глазъ распределяется нѣсколько иначе; наиболѣе чистыхъ брюнетовъ (до 20%) въ Ирландіи, затѣмъ въ западной Шотландіи (Inverness, Argyle и др.), и въ западныхъ графствахъ Англіи (Корнуэль, Пемброкъ, Гламорганъ), тогда какъ ихъ мало въ остальной Шотландіи и въ восточныхъ графствахъ Англіи. Укажу еще на карту (рис. 8), показывающую распределение головного показателя въ южной Норвегіи (6000 наблюдений). Здѣсь этотъ показатель варьируетъ по округамъ отъ 76 до 83; долихоцефалы преобладаютъ внутри страны, въ горныхъ мѣстностяхъ, брахицефалы—на приморской окраинѣ. Для Тироля мы

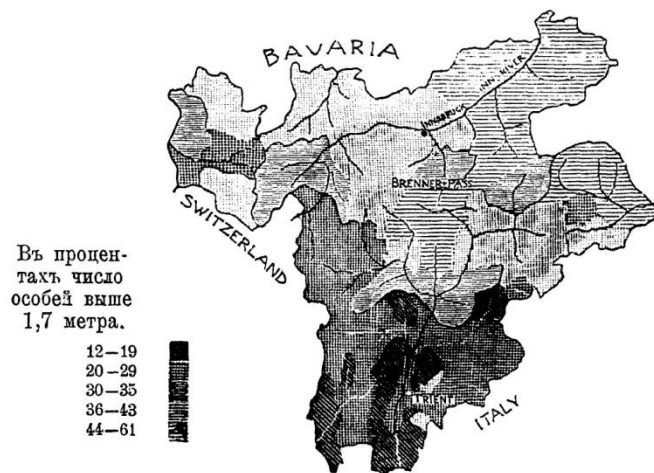

Рис. 9. Распределение высокорослости въ Тиролѣ. По Toldt', 16,384 наблюдений надъ призванными.

имѣемъ, между прочимъ, карту распределения высокорослости (16,000 набл.), т.-е. процента особей съ ростомъ выше 170 сант. Оказывается, что высокорослость идетъ полосой съ сѣвера на югъ, вѣдряясь клиномъ въ долину Эча.

На основаніи данныхъ для отдѣльныхъ европейскихъ странъ были сдѣланы попытки составленія подобныхъ картограммъ для всей Западной Европы, напр., по отношенію къ среднему росту, цвѣту волосъ и глазъ, головному показателю, а также установленія главныхъ расовыхъ типовъ западно-европейскаго населенія. Чаше принимаютъ три такихъ типа: одинъ—высокорослый, свѣтловолосый, долихоцефальный (типъ германскій или, какъ его нѣкоторые называютъ, арійскій, встрѣчается чаще въ Скандинавіи, Великобританіи, сѣверной Германіи, сѣверо-восточной Франціи);

другой—низкорослый, темноволосый, долихоцефальный (типъ средиземной расы—въ Южной Италіи, Сардиніи, Корсикѣ, Испаніи, мѣстами въ Южн. Франціи, также въ Греціи, Сѣверной Африкѣ и т. д.); третій—высокорослый, большею частью темноволосый и брахцефальный, — ему придаютъ иногда названіе альпійскаго, такъ какъ онъ распространенъ въ областяхъ Альпъ—въ Баваріи, Швейцаріи, Тироли, среди южныхъ и западныхъ славянъ и т. д. Этими тремя типами однако не исчерпываются главныя антропологическія варіаціи въ средѣ западно-европейскаго населенія, и потому нѣкоторые принимаютъ шесть и болѣе основныхъ типовъ.

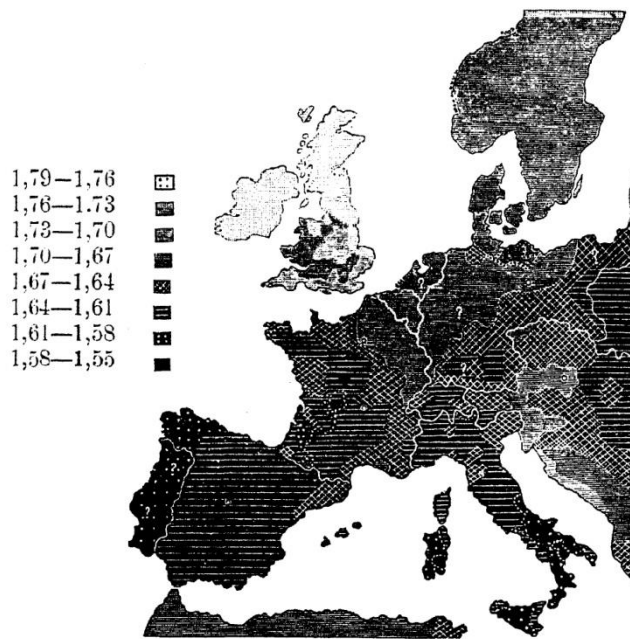

Рис. 10. Распределение средняго роста въ Западной Европѣ (по Ripley).

Для Россіи мы имѣемъ пока мало подобныхъ данныхъ, а потому не имѣется и соответственныхъ картъ. Попытки составленія подобныхъ картограммъ для уясненія географическаго распределенія роста были сдѣланы мною на основаніи данныхъ о воинской повинности за десять лѣтъ (1874—1883). Я нанесъ на картѣ Европ. Россіи данныя о непринятыхъ за недостаточнымъ ростомъ, процентъ высокорослыхъ новобранцевъ и средній ростъ рекрутовъ по губерніямъ, а также средній ростъ принятыхъ въ войска по уѣздамъ. Въ общемъ всѣ эти данныя указываютъ на существованіе у насъ двухъ главныхъ областей высокорослости: на югѣ (въ Малороссіи и Новороссіи) и на западѣ (въ Прибалтійскихъ и отчасти смежныхъ съ ними губерніяхъ); малорослость же распространена наиболѣе на крайнемъ

западѣ (въ Польшѣ) и на сѣверо-востокѣ (въ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе сосредоточены финскіе и тюркскіе инородцы). Распределение по уѣздамъ

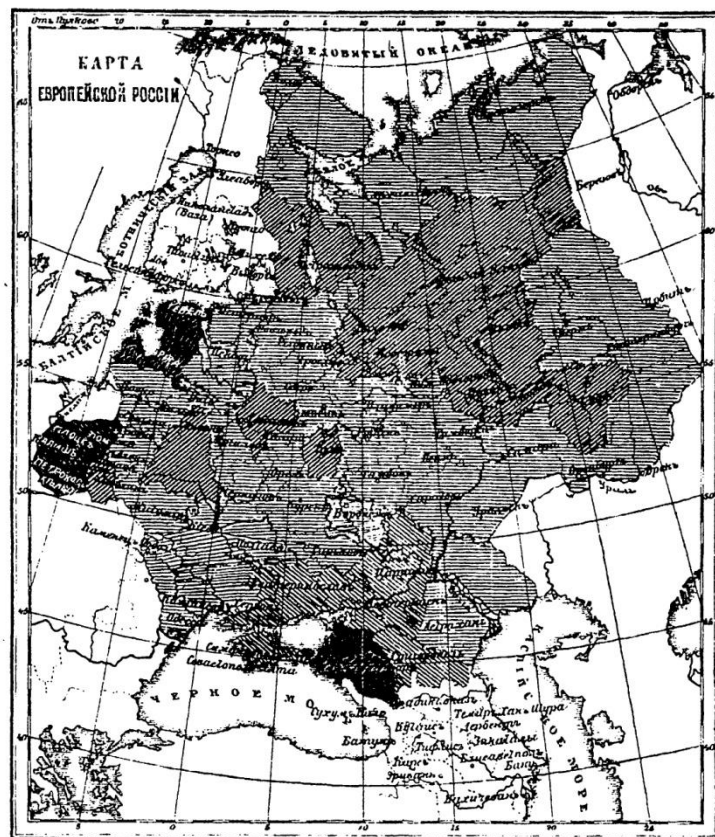
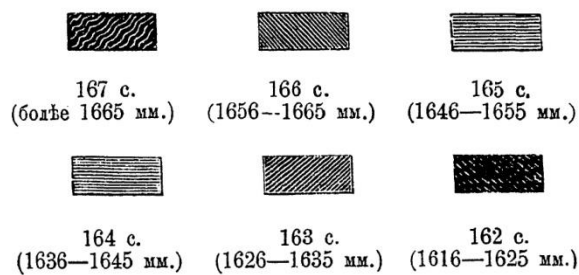

Рис. 11. Средній ростъ рекрутъ по губерніямъ.

вносить детальныя поправки и поясненія въ эту картину географическаго распространенія, но иногда также не передаетъ вполне дѣйствительныхъ

отношеній; уѣзды наши оказываются перѣдко слишкомъ крупными территориями, и болѣе вѣрное представленіе дало бы распредѣленіе по волостямъ, для чего у меня не было однако данныхъ. Но факты, установленные недавно г. Левицкимъ для Подольскаго уѣзда, Московской губ., показываютъ, что средній ростъ—какъ и коэффициентъ смертности и другія демографическія явленія—можетъ представлять у насъ замѣтныя различія по волостямъ одного и того же уѣзда.

Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса, насколько расовые типы могутъ считаться стойкими и въ какой мѣрѣ они могутъ измѣняться подъ вліяніемъ разныхъ естественныхъ и искусственныхъ (соціальныхъ) факторовъ. Что касается роста, то вліяніе на среднюю величину его этихъ факторовъ принималось уже давно; во Франціи, напр., еще въ началѣ XIX в. появилась работа Villerme о среднемъ ростѣ конскриптовъ, въ которой была сдѣлана попытка объяснить колебанія роста болѣе или менѣе благоприятными условіями существованія населенія. Попытка эта не оказалась удачною, и большинство послѣдующихъ изслѣдователей стало признавать главнымъ факторомъ величины роста взрослого населенія во Франціи расу, вліяніе наслѣдственнаго типа. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ районахъ, нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ и большее или меньшее вліяніе степени достатка населенія. Такъ, Мануврье, изучая средній ростъ призывныхъ гор. Парижа по округамъ (arrondissements), нашелъ, что варіація его стоитъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ болѣею или менѣею недостаточностью населенія, критеріемъ которой онъ взялъ процентъ даровыхъ мѣстъ на кладбищахъ. Бѣдные люди въ Парижѣ пользуются правомъ, въ случаѣ, если бѣдность ихъ будетъ надлежащимъ образомъ удостовѣрена, получать даровое мѣсто для могилы, и относительно число такихъ заявленій о бѣдности можетъ служить такимъ образомъ показателемъ послѣдней. О вліяніи на величину роста нѣкоторыхъ профессій говорятъ наблюденія, собранныя уже довольно давно въ этомъ направленіи въ Германіи и Англіи; у насъ въ Россіи извѣстны данныя о рабочихъ на московскихъ фабрикахъ, обработанные проф. Эрисманомъ. Онъ нашелъ, что ростъ фабричныхъ уступаетъ нѣсколько росту поденщиковъ, и что въ особенности замѣчается пониженіе роста у работающихъ на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества. Этотъ выводъ былъ подтвержденъ д-ромъ Дементьевымъ, который убѣдился, однако, что вліяніе фабрики не можетъ сгладить вліяніе наслѣдственности. Раздѣляя фабричныхъ по ихъ происхожденію, онъ нашелъ, напр., что болѣе высокорослые москвичи превышаютъ по величинѣ средняго роста болѣе низкорослыхъ рязанцевъ, будутъ ли они поденщиками или фабричными. Вліяніе большаго или меньшаго достатка, степени питанія и т. д. было констатировано въ особенности наблюденіями надъ учащеюся молодежью, которая, въ возрастѣ, напр., 14—20 лѣтъ, оказывается болѣе высокою въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются дѣти бо-

лѣе состоятельныхъ классовъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ воспитываются и при-зрѣваются дѣти малосостоятельныхъ родителей. Это подтверждается мно-гими наблюденіями въ Германіи, Англіи, Соедин. Штатахъ, Италіи, а так-же въ Россіи, хотя эти наблюденія говорятъ скорѣе въ пользу задержки роста при менѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія организма, чѣмъ его уменьшенія. Давно было замѣчено (въ Зап. Европѣ), что при болѣе бла-гопріятныхъ условіяхъ питанія, а отчасти и подъ вліяніемъ жизни въ боль-шихъ городахъ, организмъ развивается скорѣе, и, напр., въ возрастѣ при-зыва къ воинской повинности горожане, въ среднемъ, оказываются выше сельчанъ; послѣдніе, однако, могутъ позже догнать своихъ городскихъ сверстниковъ, и ко времени полного своего развитія даже обогнать ихъ въ величинѣ своего средняго роста. Ростъ населенія можетъ подлежать также нѣкоторому измѣненію съ эпохами. Мы разумѣемъ здѣсь не то, нѣ-когда бывшее довольно популярнымъ мнѣніе, что люди въ древности отличались много бѣльшимъ ростомъ, чѣмъ современные. Относительно древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ, индусовъ мы имѣемъ убѣдительныя доказательства (въ костяхъ изъ древнихъ могилъ, муміяхъ, въ сохранив-шемся оружьи, шлемахъ и т. д.), что ростъ ихъ не былъ выше современ-наго. Ростъ европейскаго населенія древнѣйшаго каменнаго вѣка (палеоли-тическаго) былъ, повидимому, даже ниже, чѣмъ позднѣйшаго, неолитиче-скаго. Но у нѣкоторыхъ племенъ, въ извѣстныя эпохи, ростъ, повидимо-му, былъ выше, чѣмъ у другихъ или чѣмъ у населенія той же области въ позднѣйшую эпоху. Это доказываютъ многія наблюденія надъ костями изъ древнихъ могилъ Германіи, Франціи, Англіи и Россіи. Впрочемъ, из-мѣненіе въ величинѣ роста можетъ быть и временнымъ, переходящимъ, какъ это показываютъ наблюденія надъ ростомъ новобранцевъ въ теченіе послѣдовательныхъ десятилѣтій во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ стра-нахъ Зап. Европы. Во Франціи, напр., войны Наполеона I, имѣвшія въ результатъ гибель многихъ рослыхъ и здоровыхъ молодыхъ людей, при-чемъ еще бѣльшее число ихъ было оторвано на долгое время отъ своихъ семей и было лишено возможности вступать въ бракъ, сказались во вто-рой половинѣ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. тѣмъ, что средній ростъ кон-скриптовъ нѣсколько понизился, что процентъ высокорослыхъ сталъ мень-ше, а процентъ малорослыхъ больше. Мало-по-малу, однако, это неблаго-пріятное вліяніе стало ослабляться, и варіаціи роста приняли свой обыч-ный видъ. Мнѣ удалось констатировать тоже нѣкоторое вліяніе на вели-чину роста у нашихъ новобранцевъ войны 1853—1855 гг. (сказавшее-ся въ 1874—75 гг.), но также и нѣкоторое уменьшеніе роста для ново-бранцевъ Евр. Россіи въ 80-хъ годахъ, сравнительно съ 70-ми; послѣд-нее, можетъ быть, является случайнымъ явленіемъ, а, можетъ быть, указываетъ и на нѣкоторое ухудшеніе условій существованія (желательно было бы прослѣдить эти варіаціи средняго роста въ послѣдующіе годы).

Картограммы являются удобнымъ способомъ для наглядной иллюстраціи географическаго распредѣленія различныхъ антропологическихъ признаковъ, но онѣ не могутъ пояснить предѣлы варіаций извѣстнаго признака въ данной группѣ особей. Для этой послѣдней цѣли могутъ служить кривыя, детально показывающія колебанія, по особямъ, антропометрическихъ данныхъ. Ниже мы приводимъ серіацію (распредѣленіе) по особямъ (въ процентахъ общаго числа) различныхъ величинъ головного показателя въ Италіи (по Ливи, 1896 г.). Внизу діаграммы показаны цифры этого показателя, отъ 69 до 95, съ краевъ — процентъ особей, приходящихся на различные величины головного индекса. Построены три кривыя: одна,

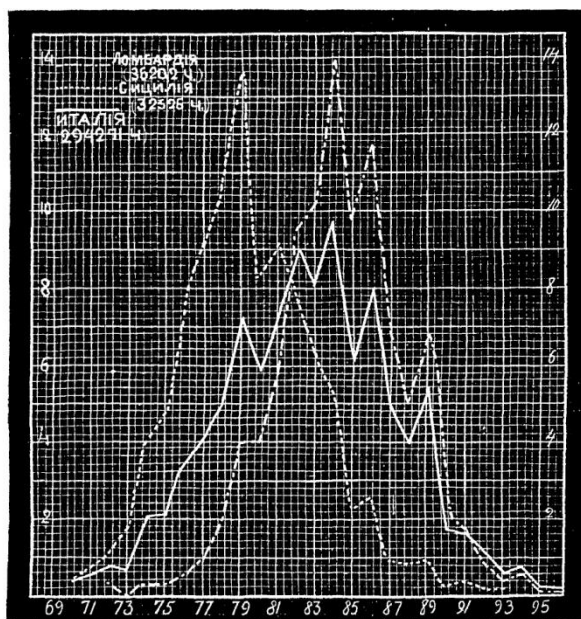

Рис. 12. Кривыя, показывающія серіацію цифръ головного показателя для Сициліи, Ломбардіи и всей Италіи (по Ливи).

означенная точечной линіей для Сициліи (32,526 особей), другая, очерченная линіей - - - - - для Ломбардіи (36,202 особей) и третья—сплошной чертой ————— для всей Италіи (294,271 чел.). Кривыя для Сициліи имѣютъ вершину (соотвѣтствующую наибольшему числу особей) противъ цифры показателя 79, кривая для Ломбардіи—противъ цифры 84, кривая для всей Италіи—тоже противъ 84. Видно, что въ Сициліи преобладаютъ типы болѣе долихоцефальные, въ Ломбардіи — болѣе брахицефальные; вся же Италія обнимаетъ полную серію типовъ, но съ явственнымъ преобладаніемъ типовъ широкоголовыхъ. Любопытно, что кривая для всей Италіи выказываетъ нѣсколько вершинъ, причемъ одна соотвѣт-

ствует вершинѣ кривой для Сициліи. Это заставляет предполагать смѣшанность итальянскаго населенія по головнымъ типамъ и вообще по расѣ; населеніе Сициліи относится къ средиземной расѣ, населеніе Ломбардіи—къ альпійской. Кривая для смѣшаннаго населенія всегда шире, чѣмъ для населенія болѣе чистаго въ антропологическомъ смыслѣ. Ripley сопоставилъ четыре кривыхъ, показывающихъ серіацію черепнаго показателя на черепахъ баварскаго населенія (1000 чер., по Ранке), черепахъ неолитическаго періода Франціи (688 чер., по Сальмону), черепахъ швейцарцевъ (232, по Колльману) и черепахъ малоазіатскихъ грековъ (179 ч., по Петерсену-Лущану). Наиболѣе гомогенная кривая оказывается

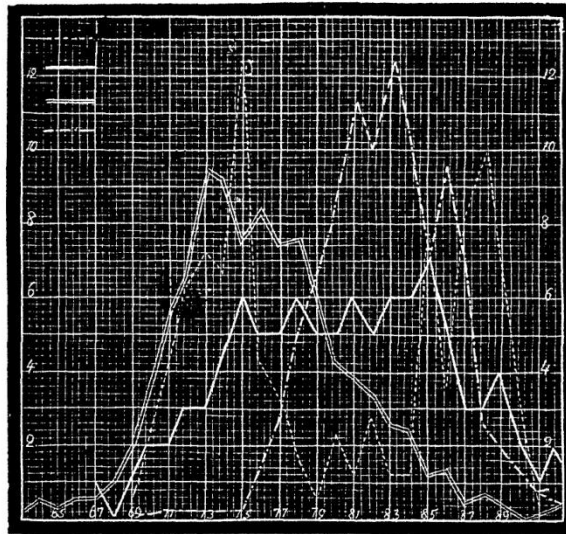

Рис. 13. Кривыя, показывающія серіацію черепнаго показателя въ болѣе чистыхъ и болѣе смѣшанныхъ населеніяхъ. Линіей----- означена кривая показателя для малоазіатскихъ грековъ (179 чер., по Petersen-Luschan); линіей——— для швейцарцевъ (232 чер., по Kollmann); линіей——— для череповъ неолитическаго періода (688, по Salmon) и —.—.—.— для баварскихъ череповъ (1000, по Ranke).

у баварцевъ; показатель ихъ хотя и варьируетъ въ предѣлахъ 75—91, но у большинства концентрируется на цифрахъ 81—85, съ вершиной на 83, выказывая, впрочемъ, и двѣ меньшихъ вершины—на 81 и 86. Кривая для неолитическихъ череповъ уже шире, захватываетъ индексы отъ 64 до 90, хотя все-таки выказываетъ явственную вершину на 73, съ явственнымъ преобладаніемъ долихоцефальныхъ типовъ (менѣе 78). Но кривая для Швейцаріи указываетъ на значительную смѣшанность населенія; она очень широка (отъ 67 до 91) и не представляетъ явственной вершины (имѣется рядъ вершинъ—на 85, 81, 78, 75). Еще о болѣе гетерогенности свидѣтельствуетъ кривая для греческаго населенія Малой

Азіи; въ ней видны двѣ рѣзко обособленныя вершины—одна на 74, другая на 88, что указываетъ на присутствіе какъ рѣзко долихоцефальнаго, такъ и крайне брахицефальнаго элемента. Первый элементъ—древнегреческій, эллинскій, второй—аллофильный, чуждый эллинскому по расѣ, но смѣшавшійся съ нимъ и ставшій тождественнымъ по языку. Методъ кривыхъ можетъ быть вообще полезнымъ во многихъ случаяхъ, когда имѣется въ виду выяснитъ серіацію извѣстнаго признака и большую или меньшую гомогенность извѣстной группы особей въ антропологическомъ отношеніи. Впрочемъ, такое значеніе кривыхъ обуславливается и количествомъ наблюденій; говоря вообще, кривая будетъ тѣмъ вѣрнѣе передавать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на большемъ числѣ данныхъ она построена; при маломъ числѣ данныхъ она можетъ значительно уклоняться отъ истинной для извѣстнаго населенія.

Какъ показываютъ нѣкоторые наблюденія, съ теченіемъ вѣковъ можетъ измѣняться не только ростъ, но и цвѣтъ волосъ, и форма головы (черепа). Древняя бѣлокурость германцевъ уступила мѣсто большей темноволосости у современныхъ нѣмцевъ, и долихоцефалія ихъ смѣнилась брахицефаліей у современнаго населенія Германіи. Подобныя же измѣненія произошли и въ Россіи. Въ курганахъ Московской губ. (IX—XI вв., по многимъ признакамъ—славянскихъ) было найдено десятка 1½ образцовъ волосъ, которые всѣ (за однимъ исключеніемъ) оказались темнорусыми, указывающими на то, что въ населеніи эпохи кургановъ преобладали брюнеты; въ настоящее время, хотя брюнеты и не составляютъ рѣдкости, въ общемъ типъ населенія болѣе свѣтловолосый. Съ другой стороны, черепа изъ кургановъ выказываютъ явное преобладаніе долихоцефаліи, которая на черепахъ изъ московскихъ кладбищъ XVI—XVII вв. уступаетъ мѣсто брахицефаліи, являющейся еще болѣе выраженною на черепахъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка (хотя небольшой процентъ долихоцефаловъ сохранился и въ современномъ населеніи). Это измѣненіе типа съ вѣками объясняли различно: путемъ смѣшенія съ другими народностями (напр., германцевъ со славянами, славянъ съ финнами), послѣдовательнымъ вліяніемъ культуры, вымираніемъ одного типа и размноженіемъ другого и т. д.. Допуская у человѣка вліяніе естественнаго отбора, нѣкоторые изслѣдователи выражали мнѣніе, что наиболѣе дѣятельный и энергичный элементъ населенія могъ чаще гибнуть (въ войнахъ и т. д.), чѣмъ элементъ болѣе пассивный, который могъ поэтому съ теченіемъ времени возражать въ своей численности. Въ Южной Германіи, напр., германскій пришлый элементъ, нѣкогда господствовавшій надъ основнымъ, кельтскимъ, могъ съ теченіемъ вѣковъ подвергаться вымиранію, тогда какъ кельтскій получилъ численное преобладаніе. Въ пользу такого толкованія говоритъ наблюденіе, что выдающіеся общественные элементы, особи, выдѣляющіяся изъ массы посредственностей, обыкновенно бываютъ

не въ состояніи упрочить свой типъ въ потомствѣ. Фамиліи римскихъ императоровъ, англійскихъ и французскихъ пэровъ, знаменитыхъ мыслителей, художниковъ, политическихъ дѣятелей и т. д. большей частью исчезаютъ черезъ одно-два-три поколѣнія. Это справедливо даже по отношенію къ горожанамъ вообще; въ Парижѣ, нѣкоторыхъ городахъ Германіи и т. д. изслѣдованія показали, что лишь очень малый процентъ населенія происходитъ отъ дѣдовъ, уже родившихся въ городѣ; нѣсколько больше такихъ, дѣды которыхъ явились въ городъ изъ провинціи; значительно больше происходящихъ отъ отцовъ, поселившихся въ городѣ, и, наконецъ, масса родившихся въ провинціи и только переселившихся въ городъ. Такимъ образомъ, города, гдѣ нѣкогда сосредоточивалась (да и теперь еще отчасти сосредоточивается) избранная, наиболѣе интеллигентная и дѣятельная часть населенія, служатъ центрами, привлекающими къ себѣ людей изъ окрестныхъ провинцій, способствующими ихъ выдѣленію изъ массы, но и губящими многихъ изъ нихъ и, во всякомъ случаѣ, не гарантирующими ихъ потомство за предѣлами немногихъ поколѣній. Мало-по-малу, слѣд., прежнее городское населеніе вымираетъ и смѣняется новымъ, пришлымъ, а это можетъ вести къ существенному измѣненію его антропологическаго типа.

Города вліяютъ, кромѣ того, на измѣненіе типа и въ другихъ отношеніяхъ. Они служатъ главными рассадниками многихъ болѣзней, алкоголизма, преступности и т. д.; здѣсь происходитъ смѣшеніе различныхъ типовъ, усваиваются зачатки вырожденія, дегенераціи. Въ будущемъ задачей культурнаго человѣчества должно быть болѣе активное вмѣшательство въ процессъ этого измѣненія типовъ, въ борьбу съ явленіями вырожденія. Съ развитіемъ просвѣщенія все болѣе и болѣе сознается необходимость борьбы съ алкоголизмомъ, факторами преступности, условіями, ведущими къ дегенераціи и т. д. Но появляются голоса, взывающіе и къ болѣе активному вмѣшательству въ этотъ антропологическій процессъ, хотя такое вмѣшательство и представляется покуда утопіей. Гальтонъ, напр., указалъ недавно на то, что судьба культурнаго человѣчества будетъ существенно зависѣть отъ того, какіе элементы въ немъ получаютъ современемъ преобладаніе. Если элементы болѣзненные, вырождающіеся, порочные, вялые, лѣнныя, малоспособные, малоинтеллигентные будутъ размножаться сильнѣе, чѣмъ стоящіе выше нормы, то это не сулитъ блага въ будущемъ. Противодѣйствуя, по мѣрѣ возможности, развитію и размноженію въ своей средѣ отрицательныхъ элементовъ, культурное общество должно подумать и о томъ, какими бы мѣрами содѣйствовать развитію, упроченію, размноженію элементовъ положительныхъ, всему тому, что выдается выше нормы, типамъ, способнымъ передать потомству выдающіяся умственныя и нравственныя качества. Каждый человѣкъ, выдѣляющійся своими способностями и качествами надъ массой, если онъ къ

тому же здоровъ и можетъ производить потомство, имѣеть шансы, въ случаѣ брака съ здоровою, интеллигентною женщиной, оставить по себѣ потомство, которое унаслѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ части своихъ членовъ, качества своего родителя и въ состояніи будетъ, съ своей стороны, при условіяхъ здороваго физическаго развитія и правильнаго воспитанія, передать тѣ же свойства дальнѣйшимъ потомкамъ. Отсюда необходимость для общества, въ интересахъ собственнаго будущаго, содѣйствовать такимъ выдающимся выше нормы особямъ къ упроченію ихъ типовъ, съ предоставленіемъ имъ возможности основать семью, дать здоровое и подходящее воспитаніе своимъ дѣтямъ и подготовить изъ нихъ будущихъ носителей культуры. Съ умноженіемъ этихъ лучшихъ элементовъ, выдающихся своимъ гармоническимъ развитіемъ тѣла и духа, выдающихся своими способностями, своими умственными и нравственными качествами, тѣсно связанъ истинный прогрессъ культурныхъ націй, и, какъ бы подобныя мечты ни представлялись пока еще утопіей, но рано или поздно человѣчеству придется встать лицомъ къ лицу съ этой задачей — упроченія своихъ лучшихъ типовъ и содѣйствія къ ихъ сохраненію и развитію въ потомствѣ.

Д. Анучинъ.
